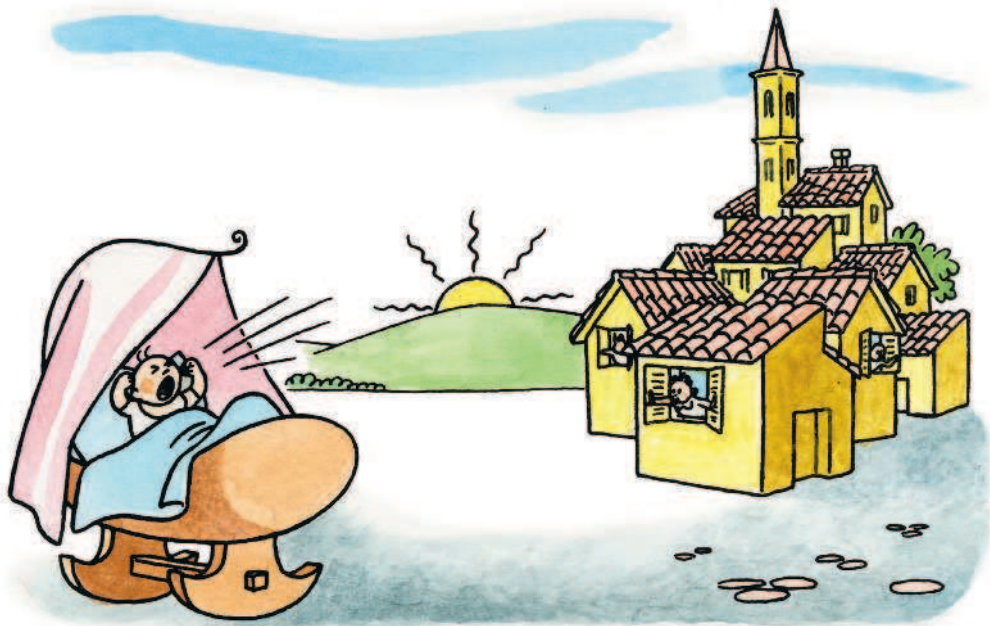

*ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ДОЧКЕ ПАОЛЕ
и всем другим девочкам и мальчикам*

ГЛАВА 1

*СТОИТ ДЖЕЛЬСОМИНО РАСКРЫТЬ РОТ,
КАК МЯЧ ВЛЕТАЕТ В СЕТКУ ВОРОТ.*

Эта история про Джельсомино, рассказанная им самим. Пока я дослушал его историю до конца, то чуть было не оглох, хотя и набил себе в уши полкило ваты. Причина в том, что у Джельсомино слишком громкий голос. Даже когда он говорит, если можно так выразиться, «вполголоса», его слышат пассажиры реактивных самолётов, летящих на высоте десяти тысяч метров над уровнем моря и головы самого Джельсомино.

Сейчас Джельсомино стал знаменитым тенором. Он известен повсюду — от Северного полюса до Южного. Став артистом, он придумал себе новое звучное и, пожалуй, несколько помпезное имя, которое я не буду здесь

называть, потому что вы уже, наверное, сотни раз читали его в газетах. В детстве мальчика звали Джельсомино — Жасмин, и под этим именем он останется в нашей повести.

Так вот, жил да был обыкновенный мальчик, быть может, даже поменьше ростом, чем другие мальчишки, но голос у него был на редкость оглушительный, что выяснилось, едва он успел раскрыть рот.

Когда Джельсомино родился — а произошло это глубокой ночью, — все односельчане вскочили с постелей, решив, что надрывается фабричный гудок, зовущий их на работу. На самом же деле это плакал Джельсомино, пробуя свой голос, как и все только что появившиеся на свет малыши. К счастью, скоро он научился спать с вечера до утра, как это делают все порядочные люди, кроме журналистов и ночных сторожей. Теперь он начинал свой плач ровно в семь утра — как раз в то время, когда людям нужно было проснуться, чтобы идти на работу. Фабричные гудки оказались ненужными и скоро заржавели от бездействия.

С шести лет Джельсомино пошёл в школу. Во время переключки учитель дошёл до буквы Д и вызвал его:

— Джельсомино!

— Здесь! — ответил радостно новый ученик.

И вдруг раздался грохот — посыпались осколки, классная грифельная доска разлетелась на тысячу мелких кусочков.

— Кто из вас запустил камнем в доску? — строго спросил учитель, протягивая руку за линейкой.

Все молчали.

— Тогда начнём переключку сначала, — сказал учитель.

Он начал вновь с буквы А, спрашивая по порядку каждого ученика:

— Это ты бросил камень?

— Не я, не я, — отвечали испуганные мальчики.

Когда учитель дошёл до Джельсомино, тот тоже встал и вполне искренне ответил:

— Это не я, синьор у...

Но он не успел произнести слово «учитель», как в ту же минуту оконные стёкла с громким звоном посыпались на пол.

На этот раз учитель внимательно следил за классом и видел, что ни один из его сорока учеников не стрелял из рогатки. «Наверное, окно разбил кто-нибудь с улицы, — подумал учитель, — один из тех шалунов, которые, вместо того чтобы ходить в школу, разоряют птичьи гнёзда. Поймаю-ка его, да и за ухо отведу в полицию».

В то утро на этом всё и кончилось. На следующий день учитель снова взялся за переключку и опять дошёл до имени Джельсомино.

— Здесь! — ответил наш герой, гордясь тем, что стал школьником.

«Трах-тарарах!» — сразу же откликнулось окно. Стёкла, вставленные всего полчаса назад, посыпались на мостовую.

— Странное дело, — сказал учитель, — несчастья случаются всякий раз, когда я дохожу до твоего имени. А, всё понятно! У тебя, мой мальчик, слишком громкий голос, и от него воздух сотрясается, как во время циклона. С сегодняшнего дня ты должен говорить только вполголоса, а иначе школа и всё наше селение превратятся в развалины. Договорились?

Покраснев от стыда и смущения, Джельсомино попробовал возразить:

— Синьор учитель, ведь это же не я!

«Трах-тарарах!» — ответила ему новая доска, только что принесённая школьным сторожем из магазина.

— Вот тебе доказательство, — сказал учитель.

Однако, заметив, что у бедняги Джельсомино катились по щекам крупные слёзы, встал из-за стола, подошёл к мальчику и ласково погладил его по голове.

— Слушай меня внимательно, сынок. Твой голос может принести тебе либо много бед, либо великую славу. Пока же лучше, чтобы ты по возможности меньше пользовался им. К тому же всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото. Договорились?

С этого дня для Джельсомино начались адские муки. В школе, чтобы не наделать новых бед, он сидел, заткнув рот носовым платком. И всё же его голос звучал до того громко, что товарищам по классу приходилось затыкать себе уши пальцами.

Учитель старался спрашивать его как можно реже. Правда, нужно сказать, что Джельсомино считался примерным учеником, и учитель был уверен, что он всегда сможет дать правильный ответ.

Дома после первого случая (он за столом стал рассказывать о приключившемся в школе, и от двенадцати стаканов остались одни осколки) ему было строго-настроено запрещено раскрывать рот.

Чтобы отвести душу, ему приходилось уходить подалее от селения: в лес, на берег озера или в поле. Когда он бывал уверен, что остался один и на почтительном расстоянии от окон своих односельчан, он ложился на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно закипала — кроты, гусеницы, муравьи и другие подземные обитатели вылезали на поверхность и убегали за много километров, думая, что начинается землетрясение.

Только один раз Джельсомино забыл про свою обычную осторожность. Дело было в воскресенье на стадионе, во время решающей футбольной встречи.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но мало-помалу игра захватила и его. И вот под одобрительные возгласы болельщиков команда его селения перешла в атаку. (Я точно не знаю, что значит «перейти в атаку», так как ничего не понимаю в футболе, но такое выражение употребил в своём рассказе Джельсомино, и я уверен, что вы его поймёте — ведь вы же читаете спортивные газеты!)

— Давай! Давай! — кричали болельщики.

— Давай! — закричал во весь голос Джельсомино.

Как раз в этот момент правый крайний передавал мяч центру нападения, но мяч на полпути изменил направление и, движимый какой-то неведомой силой, влетел в ворота противника, проскочив между ног вратаря.

— Гол! — закричали зрители.

— Вот это удар! — воскликнул кто-то. — Видели, как он срезал мяч? Точность-то какая! Всё рассчитано до миллиметра. У него просто золотые ноги.

Но Джельсомино, придя в себя, сразу же понял, что он наделал.

«Сомнений быть не может, — думал он, — этот гол забил я своим голосом. Придётся мне молчать, а то иначе во что же превратится спорт? Ну что же, пожалуй, чтобы уравнять счёт, придётся забить гол и в другие ворота».

Во втором тайме ему представился удобный случай. Команда противника бросилась в атаку.

Джельсомино закричал, и мяч влетел в ворота его односельчан. Легко понять, что сердце его при этом обливалось кровью. Даже спустя много лет, рассказывая мне об этом случае, Джельсомино заметил:

— Я скорее бы дал отрубить себе палец, чем забить этот гол, но ничего не поделаешь, волей-неволей пришлось забить.

Да, другой на его месте подыгрывал бы своей любимой команде, но не Джельсомино — он был честный, искренний и чистый, как прозрачная родниковая вода.

Вот таким он и рос и стал юношей. Был он, по правде говоря, не очень высоким, скорее даже небольшого роста и скорее худым, чем толстым, — в общем, вполне подходящим человеком, чтобы называться Жасмином. Будь у него имя потяжелее, глядишь, чего доброго, он нажил бы себе горб, нося его.

Джельсомино уже давно оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом, да так и занимался бы всю жизнь, и мне не пришлось бы рассказывать вам о нём, не случись с ним пренеприятная история, о которой вы вскоре узнаете.

ГЛАВА 2

НА СЕЙ РАЗ ГОЛОС И ГРУШИ В САДУ
ГЕРОЯ НАШЕГО ВВЕРГЛИ В БЕДУ.

Однажды утром Джельсомино отправился в свой сад и увидел, что груши уже созрели. Груши ведь всегда так поступают: не говоря вам ничего, они зреют себе и зреют, и в одно прекрасное утро вы видите, что они уже поспели и пришла пора их снимать.

«Жаль, — подумал Джельсомино, — что я не захватил с собой лестницу. Пойду-ка домой, возьму её да заодно принесу шест, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в этот момент ему пришла другая мысль — вернее, просто небольшой каприз: «А что, если мне попробовать пустить в ход свой голос?»

И, решив так, он встал под деревом и не то в шутку, не то всерьёз закричал:

— А ну-ка, груши, падайте!

«Бах-бах-бабах!» — ответили ему груши, падая дождём на землю.

Джельсомино подошёл к другому дереву и проделал то же самое. Каждый раз, когда он кричал: «Падайте!», груши отрывались от веток, словно только и ждали этого приказа, и усыпали густо землю. Джельсомино очень обрадовался этому.

«Ведь так я сберегу немало сил, — подумал он. — Жаль только, что я раньше до этого не додумался — пользоваться голосом вместо лестницы и шеста».

В то время когда Джельсомино обходил свой сад, собирая таким образом груши, его увидел крестьянин, который мотыжил землю на соседнем участке. Он протёр глаза, ущипнул себя за нос и, когда убедился, что всё это не сон, побежал за своей женой.

— Пойди-ка погляди, — сказал он ей, весь дрожа. — Я уверен, что Джельсомино злой колдун.

Жена, взглянув на чудо, упала на колени и воскликнула:

— Да он добрый святой волшебник!

— А я тебе говорю, что колдун!

— А я тебе говорю, что волшебник!

До этого дня муж с женой жили довольно мирно, но тут он взялся за мотыгу, она за лопату, и каждый из них уже был готов с оружием в руках отстаивать своё мнение, когда крестьянин предложил:

— Пойдём позовём соседей. Пусть они тоже поглядят на Джельсомино. Послушаем, что они скажут.

Идея позвать соседей и иметь предлог лишний раз поболтать язычком понравилась жене, она бросила свою лопату и исчезла.

Ещё до наступления вечера вся округа уже знала о случившемся. Жители разделились на две партии: одни утверждали, что Джельсомино — добрый волшебник, другие доказывали, что он злой колдун.

Споры всё больше разгорались и росли, как растут волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули настоящие споры, и было даже несколько пострадавших. К счастью, легко. Один крестьянин, например, обжёгся трубкой, так как в разгар спора сунул её в рот не тем концом. Полицейские совсем растерялись и не знали, что им делать. Они ходили от одной группы к другой и призывали всех к спокойствию. Самые неистовые спорщики направились к саду Джельсомино — одни для того, чтобы взять себе что-нибудь на память о волшебстве, другие с намерением уничтожить заколдованный сад.

Увидев, что огромная толпа устремилась куда-то, Джельсомино решил, что вспыхнул пожар. Он схватил ведро и хотел было броситься гасить пламя, но увидел, что толпа остановилась у его дверей, и услышал её крики.

— Вот он! Вот он! — кричали одни. — Он святой волшебник!

— Да какой там святой? Он злой колдун. Поглядите, у него в руках ведро. Наверняка заколдованное.

— Ради бога, отойдём подальше: если он плеснёт на нас этой штукой, то мы пропали.

— Какой такой штукой?

— Да что вы, ослепли? В ведре адская смола. Если она попадёт на человека, насквозь прожжёт, и ни один врач никогда уже не залечит.

Тогда самый разумный из односельчан сказал:

— Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам попевать — и они попевали, приказывал падать — и они падали.

— Да вы рехнулись, что ли? — спросил Джельсомино. — Ведь всему виной мой голос. Просто воздух от него начинает сотрясаться, как при сильном урагане.

— Да, да, мы знаем! — закричала одна из женщин. — Ты делаешь чудеса своим голосом!

— Какие там чудеса! Это колдовские чары! — надрывались другие.

Джельсомино бросил со злости ведро на землю, ушёл в дом и закрыл дверь на засов.

«Кончилась моя спокойная жизнь, — думал он. — Теперь мне нельзя будет шагу ступить, чтобы за мной следом не бежали любопытные. По вечерам, перед сном, везде только и будет разговоров, что обо мне. Я буду пугалом для маленьких детей, злым колдуном. Лучше мне убраться отсюда. В конце концов, что мне здесь делать? Родители мои умерли, лучшие друзья погибли на войне. Пойду-ка я бродить по свету да попробую найти счастье с помощью моего голоса. Есть же люди, которым платят за то, что они поют. Правда, это немного странно. Ведь по-настоящему не стоило бы платить людям за такое занятие, которое им самим доставляет удовольствие. Но всё же за пение платят. Может быть, и мне удастся стать певцом?»

Приняв такое решение, он сложил немудрёные пожитки в вещевой мешок и вышел на улицу.

Ожидавшие его люди расступились, перешёптываясь. Не глядя ни на кого, Джельсомино молча пошёл по дороге. Отойдя довольно далеко, он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на свой дом.

Толпа всё ещё не расходилась, и люди указывали на него пальцами, словно на привидение.

«А не сыграть ли с ними шутку, которой они заслуживают?» — подумал Джельсомино, и, набрав полную грудь воздуха, он крикнул во весь голос:

— До свидания!

Результат этого прощального приветствия оказался незамедлительно. Мужчины почувствовали, как неожиданный порыв ветра сорвал у них шапки. Несколько пожилых женщин, у которых вдруг обнаружили лысины, похожие на очищенное яйцо, бросились вдогонку за своими париками.

— Прощайте, прощайте! — повторил Джельсомино, от души смеясь над этой первой в своей жизни шалостью.

Шапки и парики сбились в одну стайку, словно перелётные птицы, вспорхнули к облакам, движимые необычайной силой голоса Джельсомино, и через несколько минут скрылись из виду. Вскоре стало известно, что они умчались за несколько километров, а некоторые из них даже перелетели границу.

Через несколько дней и Джельсомино тоже пересёк границу и попал в самую необычную страну на свете.

ГЛАВА 3

ДЖЕЛЬСОМИНО ВСТРЕЧАЕТ КОШКУ СО СТРАННОЙ КЛИЧКОЙ — ХРОМОНОЖКА.

Первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну, была серебряная монета. Она блестела на земле около тротуара у всех на виду. «Странно, что никто её не подобрал, — подумал Джельсомино. — Я своего не упущу, тем паче что в кармане пусто. Деньги были, но все сплыли. Сегодня у меня во рту маковой росинки не было. Но сначала узнаю, не потерял ли её кто-нибудь из прохожих».

Он подошёл к кучке людей, которые, шушукаясь между собой, наблюдали за ним, и показал им на монету.

— Синьоры, не обронил ли кто-нибудь из вас эту монету? — шёпотом спросил он, чтобы не напугать их своим голосом.

— Убирайся прочь, — ответили ему, — да пореже показывай эту монету, если не хочешь нажить себе беды!

— Извините меня, пожалуйста, — пробормотал, растерявшись, Джельсомино и направился к магазину, вывеска которого заманчиво гласила:

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ И ДРУГИЕ ТОВАРЫ

На витрине вместо ветчины и банок с вареньем красовались груды тетрадей, коробки с красками и стояли пузырьки с чернилами.

— Это, наверное, и есть «другие товары», — сказал себе Джельсомино и доверчиво вошёл в магазин.

— Добрый вечер, — галантно приветствовал его хозяин магазина.

«По правде говоря, — подумал Джельсомино, — я не слышал, чтобы пробило даже полдень. Впрочем, нечего на это обращать внимание». И, как обычно, почти шёпотом, который всё ещё слишком громко звучал для нормального уха, он спросил:

— Не могу ли я купить хлеба?

— Пожалуйста, дорогой синьор. Сколько бы вы хотели? Один пузырёк или два? Красного или чёрного?

— Только не чёрного, — ответил Джельсомино. — А что, вы действительно продаёте хлеб в пузырьках?

Хозяин магазина расхохотался:

— А как же вы хотите, чтобы мы его продавали? Разве в вашей стране хлеб режут на куски? Нет, вы только посмотрите, какой хороший у нас хлеб!

И, говоря это, он показал на полку, где пузырьки с чернилами самых различных цветов стояли в ряд ровнее, чем солдаты в строю. Кстати, во всём магазине и следа не было чего-нибудь съестного: ни корки сыра, ни яблочной кожуры.

«Не сошёл ли он с ума? — подумал Джельсомино. — Пожалуй, лучше ему не перечить».

— Действительно, хлеб чудесный, — согласился Джельсомино и показал ему на пузырёк с красными чернилами, желая услышать, что же ему тот ответит.

— Неужели? — сказал продавец, весь просияв от такой похвалы. — Да, это самый лучший зелёный хлеб, который когда-либо был в продаже.

— Зелёный?

— Ну конечно! Извините, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино был уверен, что перед ним пузырёк с красными чернилами. Он уже собирался найти

какой-нибудь предлог, чтобы убраться подобра-поздорову и пойти на поиски более разумного хозяина магазина, как вдруг его осенила мысль.

— Послушайте, — сказал Джельсомино, — я лучше зайду попозже купить хлеба. А пока что укажите мне магазин, где продаются чернила высшего качества.

— Конечно, — ответил тот со своей постоянной деланой улыбкой на лице. — Посмотрите, вот напротив самый известный в городе магазин канцелярских принадлежностей.

На витрине магазина напротив были аппетитно разложены хлеба различных сортов, торты и пирожные, макароны, рожки, спагетти и горы сыра, висели колбасы и сосиски.

«Я так и думал, — решил Джельсомино, — хозяин магазина рехнулся и называет хлеб чернилами, а чернила — хлебом. В том, пожалуй, дело будет вернее!»

Он вошёл в магазин напротив и попросил полкило хлеба.

— Хлеба? — услужливо переспросил продавец. — Видите ли, вы ошиблись. Хлеб продаётся напротив. Мы торгуем только канцелярскими принадлежностями, — и он с гордостью широким жестом руки обвёл всё обилие вкусных вещей.

«Теперь я понял, — решил про себя Джельсомино, — в этой стране нужно говорить шиворот-навыворот. Если ты назовёшь хлеб хлебом, то тебя не поймут».

— Дайте мне полкило чернил, — сказал он продавцу.

Тот отвесил ему полкило хлеба и, завернув по всем правилам в бумагу, подал.

— Мне хотелось бы также немного вот этого, — добавил Джельсомино и показал на круг сыра, не рискуя назвать его.

— Немного ластика? — спросил продавец. — Сию минуту, синьор.

